

УДК 347.122(470)

К. Ю. ФИЛИПСОН, преподаватель
кафедры гражданского права и процесса
Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск)

K. Y. FILIPSON, Lecturer in civil law
and process Siberian Institute of law of the
Ministry of Internal Affairs of the Russian
Federation (Krasnoyarsk)

К ВОПРОСУ О ПРАВОПРЕЕМСТВЕ СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА НА ЗАЩИТУ

TO THE QUESTION OF THE SUCCESSION OF THE SUBJECTIVE RIGHT TO PROTECTION

Аннотация. В статье подлежит доказыванию позиция, что субъективное право на защиту выступает как элемент (правомочие) субъективного права в случаях его реализации управомоченным субъектом регулятивного правоотношения самостоятельно, без обращения к государственным органам и без принуждения с их стороны (например, в рамках самозащиты). Также, делается вывод о возможности возникновения отдельного субъективного права на защиту, существующего в рамках охранительного правоотношения между управомоченным и обязанным субъектом и специально уполномоченным субъектом государственного принуждения. При этом, подтверждается тезис о невозможности правопреемства субъективного права на защиту отдельно от основного субъективного права.

Ключевые слова и словосочетания: правопреемство, защита прав, субъективное право на защиту, норма права, правоотношение.

Annotation. The article is to prove the position that the subjective right to defense acts as an element (competence) of subjective law in cases of its implementation by the authorized subject of a regulatory legal relationship independently, without resorting to state bodies and without coercion from them (for example, within the framework of self-defense). Also, the conclusion is made about the possibility of a separate subjective right to protection existing within the framework of the protective legal relationship between the authorized and obliged subject and the specially authorized subject of state coercion. At the same time, the thesis about the impossibility of the legal succession of the subjective right to protection separately from the basic subjective right is confirmed.

Keywords and phrases: succession, protection of rights, subjective right to protection, rule of law, legal relationship.

Вступая в правоотношения, субъекты права реализуют свои субъективные права. Указанный процесс на практике нередко сопровождается нарушением прав и интересов управомоченного лица, что, в свою очередь, препятствует осуществлению субъективных прав. В этом случае субъективное право, необеспеченное необходимыми средствами, способами и механизмом защиты, становится право-

вой фикцией.

Государство, выступая субъектом, обеспечивающим гарантии соблюдения и защиты субъективных прав, предоставило управомоченному лицу субъективное право на защиту своих права и законных интересов.

Следует отметить, что в юридической литературе имеются различные точки зрения относительно понимания

и юридической природы субъективного права на защиту.

Некоторые исследователи рассматривают субъективное право на защиту как одно из правомочий субъективного права, понимая под ним возможность управомоченного субъекта правоотношения реализовывать меры охранительного характера к обязанному субъекту (правонарушителю). Иными словами, субъективное право на защиту выступает здесь в качестве обязательного элемента любого субъективного права [1, с. 154-155], [2, с. 248], [3, с. 409], [4, с. 20].

Следует отметить, что в последние годы в научной литературе развивается точка зрения о существовании самостоятельного субъективного права на защиту, возникающего в момент нарушения права в рамках охранительного правоотношения. Данное субъективное право как реальная правовая возможность появляется у управомоченного лица (субъекта регулятивного правоотношения) только в момент нарушения или оспаривания субъективного права и реализуется в рамках возникающего при этом охранительного гражданского правоотношения.

Приверженцем приведенной позиции является Е.Я. Мотовиловкер, который считал, что право на защиту (право притязание) не входит в структуру основного субъективного права. Автор поясняет, что право на защиту появляется тогда, когда уже некоторое субъективное право (регулятивное право) «заявило» о своем бытии. Следовательно, притязание не входило в структуру ранее существовавшего субъективного права, определяемого обычными, повседневными юридическими фактами. В указанном субъективном праве содержалось только правомочие требования, соединенное в ряде случаев с правомочием на положительные действия. Характер правоотношения определяется теми возможностями, которые существуют, имеются в наличии. И если регулятивное право требования сменилось притязанием, а при-

тязание – это совсем другое правомочие, чем право требование, то и правоотношение возникло другое [5, с. 58].

Указанную точку зрения также поддерживает Е.А. Крашенинников, который в своей работе определил, что охранительное субъективное право – это вытекающая из охранительной гражданско-правовой нормы возможность определенного поведения лица в конфликтной ситуации, предоставленная ему в целях защиты регулятивного субъективного права или охраняемого законом интереса. При этом ученый разделяет данное субъективное право на два вида – охранительное материальное субъективное право и охранительное процессуальное субъективное право [6, с.48].

На наш взгляд, исследование вопроса самостоятельности субъективного права на защиту обладает большим теоретическим и практическим значением для уяснения и правильного разрешения проблемных вопросов, связанных с возможностью перехода субъективного права на защиту в порядке правопреемства отдельно от основного субъективного права.

Актуальность поставленной проблемы подтверждается разнородной судебной практикой по указанному вопросу.

Так, на практике сложилась неоднозначная позиция по поводу правомерности заключения договора цессии, предметом которого является право на истребование в судебном порядке потребительского штрафа в соответствии со ст. 13 Закона о защите прав потребителей.

Приведем случай из судебной практики [7]. По договору от 19.08.2016 № Н-1/16 уступки права требования Галяудинова О.Н. (цедент) уступила обществу «МедТехКомплект» (цессионарию) право требования неустойки за нарушение срока передачи объекта долевого строительства и штрафа за неудовлетворение требования о выплате неустойки, предусмотренного п. 6 ст. 13 Закона о защите прав потребителей.

Суд апелляционной инстанции, сославшись на положения ч. 9 ст. 4 Закона об участии в долевом строительстве, ст. 382, 383 ГК РФ, пришел к выводу о том, что общество «МедТехКомплект» не могло приобрести право требования штрафа за неудовлетворение в добровольном порядке требования о выплате неустойки, начисленной за нарушение обязательства по передаче объекта участнику, поскольку не являлось потребителем по смыслу Закона о защите прав потребителей, в связи с чем отменил решение суда первой инстанции в части взыскания штрафа и отказал в удовлетворении требований в этой части.

В то же время суд при рассмотрении кассационной жалобы признал ошибочными выводы суда апелляционной инстанции в части отказа во взыскании штрафа. Кассационный суд пояснил, что право (требование), принадлежащее на основании обязательства кредитору, может быть передано им другому лицу по сделке (уступка требования) или может перейти к другому лицу на основании закона (п. 1 ст. 382 ГК РФ).

Согласно ст. 384 ГК РФ, если иное не предусмотрено законом или договором, право первоначального кредитора переходит к новому кредитору в том объеме и на тех условиях, которые существовали к моменту перехода права. В частности, к новому кредитору переходят права, обеспечивающие исполнение обязательства, а также другие связанные с требованием права, в том числе право на проценты.

Совершенно противоположное решение было вынесено вторым арбитражным апелляционным судом от 12.07.2018 № 02АП-4363/2018 по делу № А31-13657/2017 [8]. В постановлении суда было указано, что в отношении требования истца о взыскании штрафа в размере 10 721,01 руб., предусмотренного пунктом 6 статьи 13 Закона о защите прав потребителей, суд апелляционной инстанции полагает необходимым отметить, что соответствующий штраф явля-

ется специальной мерой ответственности и применяется в качестве законной неустойки за неудовлетворение требований потребителя в добровольном порядке. Между тем истец, заявивший настоящий иск ввиду заключения с Нелиным А.А. договора уступки прав (требования), не является потребителем по смыслу Закона о защите прав потребителей и, соответственно, не вправе заявлять требования о взыскании предусмотренного указанным Законом штрафа.

Для разрешения указанной спорной ситуации обратимся к разъяснению, содержащемуся в подп. «а» п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей», в котором указано, что правами, предоставленными потребителю Законом о защите прав потребителей и изданными в соответствии с ним иными правовыми актами, а также правами стороны в обязательстве в соответствии с ГК РФ пользуется не только гражданин, который имеет намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий товары (работы, услуги), но и гражданин, который использует приобретенные (заказанные) вследствие таких отношений товары (работы, услуги) на законном основании (наследник, а также лицо, которому вещь была отчуждена впоследствии, и т.п.).

В соответствии с данным разъяснением правом требования защиты нарушенных субъективных прав обладает только потребитель, так как именно его регулятивное субъективное право нарушено недобросовестными действиями продавца, либо новый собственник имущества, к которому перешло право собственности на некачественный товар. Таким образом, передача права требовать в судебном порядке штрафа на основании договора цессии у правопреемника не возникает.

Можно сделать вывод, что правом на

защиту нарушенных субъективных прав обладает только владелец основного субъективного права, что подтверждает несостоятельность теории самостоятельности субъективного права на защиту.

Приведенная точка зрения также подтверждается п. 1 ст. 12 Закона о защите прав потребителей, которая устанавливает запрет правопреемства в отношении истребования убытков с продавца, причиненных необоснованным уклонением от заключения договора. Реализовать субъективное право на защиту вправе только тот потребитель, которому было отказано в предоставлении возможности незамедлительно получить при заключении договора информацию о товаре, работе или услуге).

На наш взгляд, в целях разрешения спорных вопросов относительно самостоятельности субъективного права на защиту, необходимо детально изучить и проанализировать с точки зрения теории права возникшую практическую проблему.

Приверженцы подхода о самостоятельности субъективного права на защиту в основном обосновывают свою позицию тем, что нарушение субъективного регулятивного права влечет за собой прекращение регулятивного правоотношения и возникновение нового охранительного с самостоятельными субъективными правами и юридически-обязанностями на основании охранительных норм права [5, с.75].

Иного взгляда придерживался и М.А. Гурвич, который в своих работах писал, что «способность быть осуществленным в порядке принуждения является существенным, а потому неотъемлемым свойством гражданского субъективного права». Автор утверждал, что право на защиту (притязание) – это «особое состояние субъективного права, в котором оно способно к осуществлению в принудительном порядке. Это не новое право, а именно субъективное право, которое созрело для принудительного осуществ-

вления в отношении обязанного лица (так называемое право в боевом состоянии), способность приходить в такое состояние присуща любому субъективному праву» [9, с. 178-179].

В данном научном исследовании полностью не поддерживается ни одна из приведенных точек зрения. Мы не можем согласиться с Е.А. Крашенинковым, Е.Я. Мотовиловкером, которые утверждают, что защита субъективных прав может осуществляться только на основании охранительных норм права, так как регулятивные нормы права не содержат в себе необходимых предписаний для защиты нарушенных прав, в связи с чем, субъективное право на защиту не может выступать элементом основного регулятивного субъективного права, основанного на регулятивных нормах права и реализуемого в рамках регулятивного правоотношения. Считаем, что защита субъективных прав представляет собой деятельность, возможность осуществления которой предусмотрена как регулятивными, так и охранительными нормами права. Указанные нормы составляют один из самых необходимых элементов механизма защиты субъективных прав, образуя нормативную основу деятельности уполномоченных на то субъектов.

В юридической науке под нормой права принято, как правило, считать общеобязательное, формально определенное предписание, выраженное в виде правила поведения или общего установления, исходящее от государства и охраняемое им, направленное на урегулирование общественных отношений.

По функциональному признаку нормы права подразделяются на регулятивные и охранительные, что как следствие влечет за собой разделение правоотношений на регулятивные и охранительные.

Регулятивные нормы, осуществляющие упорядочивающее воздействие на общественные отношения, устанавливают вид и меру охраняемых и гарантируе-

мых государством возможного и должного поведения участников общественных отношений, их взаимные субъективные права и юридические обязанности.

Формируя эталоны, модели поведения участников правоотношений, регулятивные нормы ориентируются на добровольное и сознательное исполнение участниками правовых предписаний, предусматривающих реализацию процессуальных прав и исполнение процессуальных обязанностей. В случае же неисполнения либо ненадлежащего исполнения одной из сторон, возложенных на нее юридических обязанностей, в действие вступают охранительные нормы права, которые закрепляют правила поведения уполномоченного лица в целях защиты охраняемого законом интереса и регулятивного субъективного права.

С советских времен в структуру регулятивной нормы права принято включать два элемента. Первым элементом выступает гипотеза или предположение; вторым – диспозиция или распоряжение. Следовательно, юридическая норма может быть, выражена в такой форме: если – то ...

Охранительная норма права, как правило, состоит из гипотезы и санкции. Санкцией правовой нормы признается та ее часть, где указаны неблагоприятные последствия неправомерного поведения – меры принуждения, применяемые при нарушении предписаний диспозиции правовой нормы.

В нашей работе мы считаем целесообразным отказаться от использования традиционной трехэлементной структуры правовой нормы. Полагаем, что регулятивные и охранительные правоотношения возникают на основании двухэлементной нормы, которая состоит из «условия» (гипотезы) и «следствия» (диспозиции). На наш взгляд, включение в состав нормы сразу трех элементов (гипотезы, диспозиции и санкции) затрудняет восприятие и понимание обозначаемых их явлений. Трехзвенная структура

нормы ошибочно сформирована посредством объединения регулятивной и охранительной нормы, которые вполне возможно разложить на двухзвенную.

Об этом же говорил В.Н. Протасов, указывая, что «там, где сторонники трехчленной конструкции усматривают лишь одну норму, на самом деле имеют место две двухэлементные юридические нормы: регулятивная и охранительная» [10, с. 115].

Полагаем, что любое нормативное правовое предписание обладает двумя обязательными составляющими: условие, которое описывает основания реализации предписания, и следствие, характеризующее правило поведение субъекта правоотношения. Санкция же, на наш взгляд, как часть правовой нормы, указывающая на неблагоприятные последствия неправомерного поведения – меры принуждения, применяемые при нарушении диспозиции регулятивной нормы, исключается из структуры охранительной правовой нормы. На месте санкции в структуре охранительной нормы выступает правило поведения («следствие»), адресованное правоприменительным органам, уполномоченным применять данные нормы в случае нарушения субъективных прав. На наш взгляд, санкция содержится не в структуре нормы права, а является составной частью правоприменительного акта, который закрепляет конкретные меры юридической ответственности, применяемые к правонарушителю.

В теории права сформировалась точка зрения, что санкция есть диспозиция особого вида правовой нормы (охранительной нормы), чья гипотеза всегда указывает либо на факт правонарушения, либо на обстоятельства, препятствующие реализации первичных юридических прав и обязанностей.

Рассмотрим указанную точку зрения на основании конкретных норм права, направленных на защиту нарушенных прав.

В соответствии с гражданским законодательством покупатель имеет право по договору купли-продажи приобрести товар надлежащего качества.

Покупатель, которому продан товар ненадлежащего качества (условие), если его недостатки не были оговорены продавцом (условие), по своему выбору вправе потребовать (следствие): замены недоброкачественного товара товаром надлежащего качества; соразмерного уменьшения покупной цены; незамедлительного безвозмездного устранения недостатков товара; возмещения расходов на устранение недостатков товара (регулятивная норма, в которой перечислены способы защиты покупателем своих субъективных прав).

Приведем еще один пример из российского законодательства. Так, согласно ст. 26 ГК РФ несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет совершают сделки, за исключением названных в п. 2 ст. 26 ГК РФ, с письменного согласия своих законных представителей – родителей, усыновителей или попечителя. В случае если несовершеннолетний заключил сделку в противоречие п.2 ст. 26 ГК РФ, что повлекло нарушение прав и законных интересов как самого несовершеннолетнего, так и третьих лиц (условие), то требование о признании оспоримой сделки недействительной может быть предъявлено по иску родителей, попечителей и иных законных представителей (следствие) (регулятивная норма).

В соответствии с указанной статьей сделка, совершенная несовершеннолетним в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет (условие) без согласия его родителей, усыновителей или попечителя, в случаях, когда такое согласие требуется в соответствии со ст. 26 ГК РФ (условие), может быть признана судом недействительной (следствие) по иску родителей, усыновителей или попечителя (условие) (охранительная норма).

Если такая сделка признана недей-

ствительной (условие), соответственно суд применяет правила, предусмотренные абз. 2 и абз. 3 п. 1 ст. 171 ГК РФ (следствие). А именно, суд обладает полномочием обязать недобросовестную дееспособную сторону возместить другой стороне понесенный ею реальный ущерб, если дееспособная сторона знала или должна была знать о недееспособности другой стороны при заключении недействительной сделки (охранительная норма).

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что субъективное право на защиту может быть реализовано в рамках регулятивного правоотношения, выступая при этом элементом основного субъективного права.

В то же время, такие ученые в сфере теории права, как Е.Я. Мотовиловкер, Е.А. Крашенинников, А.Б. Бабаев утверждали, что «Вызванный правонарушением переход от регулятивного к охранительному правоотношению, происходит... по линии возникновения нового свойства субъективного права (новой возможности) – свойства принудительно осуществляться» [5, с. 67]. Тем самым авторы полагали, что, так как регулятивное субъективное право на защиту не обладает свойством принудительного осуществления, то оно и не может существовать, в связи с чем необходимо возникновение нового самостоятельного субъективного права на защиту отдельного от основного субъективного права.

Действительно, как видно из приведенного примера, родителю, попечителю либо иному законному представителю предоставлено охранительное правомочие (право притязания), содержащееся в «следствии» регулятивной нормы, осуществление которого (подача искового заявления в суд) влечет за собой возникновение нового охранительного правоотношения, предусмотренного охранительной правовой нормой ст. 175 ГК РФ.

В соответствии со ст. 175 ГК РФ «следствие» охранительной правовой

нормы не включает в себя правило поведение потерпевшего, а содержит только полномочие властного государственного органа по применению мер принудительного воздействия в отношении правонарушителя.

Потерпевшая сторона в данном случае не может самостоятельно реализовать свое право на защиту путем применения неюрисдикционных способов защиты, так как не является носителем властных полномочий (властвующим субъектом). В п. 1 ст. 175 ГК РФ прямо предусмотрено, что признание сделки недействительной и применение последствий её недействительности возможно только посредством вынесения уполномоченным на то властным государственным органом (судом) соответствующего правоприменительного акта. В случае если потерпевший не обратится в суд с требованием о признании сделки недействительной, такая сделка будет и дальше порождать права и обязанности, нарушающие субъективные права потерпевшего.

В то же время российское законодательство наделяет способностью к принудительной реализации не только охранительное субъективное право, но и регулятивное.

Приведем пример из административного права. Так, согласно ст. 2.7 КоАП РФ допускается причинение лицом вреда охраняемым законом интересам в состоянии крайней необходимости для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или других лиц, а также охраняемым законом интересам общества или государства, если эта опасность не могла быть устранена иными средствами и если причиненный вред является менее значительным, чем предотвращенный вред.

Таким образом, законодатель в указанной регулятивной норме публичного права предоставил обладателю нарушенного субъективного права возможность

воспользоваться мерами принуждения, выражающимися в ущемлении или нарушении прав другого лица в целях пресечения правонарушения и восстановления нарушенных субъективных прав.

В нашем исследовании мы не согласны с позицией, что структура субъективного права в регулятивных правоотношениях включает в себя только два элемента (субправомочие на собственные действия и правомочие требование), а в охранительных реализуется самостоятельное субъективное право – право притязание.

Считаем, что правомочие на защиту в первую очередь реализуется в рамках регулятивных правоотношений, что прямо закреплено в «следствии» регулятивной нормы права. Осуществление субъективного права на защиту, а именно субправомочие притязания, выступает юридическим фактом возникновения нового охранительного правоотношения (например, в рамках судебного разбирательства по иску). Данное правоотношение обладает совершенно иной правовой структурой, в которой образуется отдельное субъективное право на защиту между управомоченным и обязанным субъектом и специально уполномоченным субъектом государственного принуждения.

В связи с этим считаем необоснованным, с точки зрения норм права, следующие высказывание Е.А. Крашенинникова: «Право собственности и виндикационное обязательство могут принадлежать разным субъектам (уступка виндикационного притязания создает ситуацию, когда притязанием обладает цессионарий, а право собственности остается у cedента)» [6, с. 34].

На наш взгляд, субъективное право на защиту права собственности неразрывно связано с самим правом собственности, в связи с чем передать право на предъявление виндикационного иска без передачи права собственности невозможно. Уступая виндикационное требование (право притязание) собственник имуще-

ства лишается возможности реализовать свое право на защиту, так как оно уже передано другому лицу (цессионарию). Полагаем, что соглашение об уступке права требования имущества из незаконного владения противоречит юридической сущности субъективного права, так как, лишаясь одного из своих неотъемлемых элементов (права притязания), оно становится беззащитным и юридически не обеспеченным в случае недобросовестных действий третьих лиц.

Указанный тезис подтверждается также Е.А. Сухановым, который утверждает, что в настоящее время можно отметить полную необоснованность иногда встречающихся в литературе попыток доказать возможность «передачи» («уступки») права на предъявление виндикационного иска собственником или иным титульным владельцем вещи какому-либо третьему лицу. Как справедливо отмечается в германской литературе, в случае допустимости такой «уступки» право собственности или иное вещное право становится беззащитным и по сути лишается своего смысла – юридического обеспечения владения и использования вещей (не говоря уже о том, что сам институт цессии в силу прямых указаний п. 1 ст. 382 ГК РФ является обязательно-правовым и не применим в сфере вещного права) [3, с. 350].

В нашем исследовании мы придерживаемся точки зрения, что субъективное право на защиту является неотъемлемым элементом исходного субъективного права и осуществляется с целью его защиты.

На основании проведенного исследования несамостоятельный характер субъективного права на защиту подтверждается следующими выводами:

1. Правомочие на защиту как элемент основного субъективного права прямо закреплено в «следствии» регулятивной нормы права, которая предоставляет управоченному лицу, в рамках регулятивных правоотношений, возможность воспользоваться допустимыми мерами

принуждения в целях пресечения правонарушения и восстановления нарушенных субъективных прав.

2. Охранительное правомочие на защиту (право притязание) также закреплено в «следствии» регулятивной нормы права и реализуется в пределах регулятивного правоотношения (например, подача искового заявления в суд с требованием о защите нарушенных субъективных прав). Следует отметить, что регулятивные нормы права, содержащие в себе правомочие на защиту путем обращения в управоченные органы государственной власти, не могут выступать основанием осуществления охранительного правоотношения, так как не закрепляют полномочия властных органов применять меры государственного принуждения к правонарушителю на основании правоприменительного акта.

3. Реализация охранительного правомочия на защиту выступает юридическим фактом возникновения нового охранительного правоотношения с особым властным субъектным составом, который наделен возможностью применения мер государственного принуждения к правонарушителю путем вынесения правоприменительного акта.

Таким образом, в нашем исследовании мы не можем согласиться с позицией А.В. Белова, который утверждал, что если признать правомочие на защиту составной частью всякого регулятивного права, то мы с неизбежностью отказываемся от разграничения охранительных и регулятивных гражданских правоотношений [11, с. 450].

4. На наш взгляд несамостоятельность субъективного права на защиту вытекает из самой природы субъективного права. Юридическая сущность и предназначение субъективного права выражается именно во взаимосвязи и неделимости его элементов, главным при этом выступает правомочие на защиту, без которого бы не существовало никакого права.

5. Несамостоятельность субъектив-

ного права на защиту также подтверждается и сложившейся судебной практикой по данной категории дел.

Согласно проведенному исследованию можно сделать вывод, что субъективное право на защиту, выступая

обязательным элементом основного субъективного, не подлежит переходу к другому лицу в порядке правопреемства. Правопреемство субъективного права на защиту возможно только в составе основного субъективного права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М., 1972. – 204 с.
2. Советское гражданское право : учебник. Ч. 1./ под ред. В.Ф. Маслова и А.А. Пушкина. Харьков, 1983. – 462 с.
3. Гражданское право : учебник: Т. 2 / отв. ред. Е.А. Суханов. М., 1999. – 816 с.
4. Рожкова М.А. Средства и способы правовой защиты сторон коммерческого спора. М., 2006. – 416 с.
5. Мотовиловкер Е.Я. Теория регулятивного и охранительного права. Воронеж, 1990. – 136.
6. Крашенинников Е.А. Структура субъективного права // Построение правового государства: вопросы теории и практики. Тезисы доклада областной научно-практической конференции, 28 ноября 1990 г. – Ярославль: ЯрГУ, 1990. – 3-7 с.
7. Решение по делу №11АП-2181/2017, 306-ЭС17-12245, А65-27690/2016, Ф06-21876/2017 // СПС КосультантПлюс.
8. Постановление второго арбитражного апелляционного суда от 12.07.2018 № 02АП-4363/2018 по делу № А31-13657/2017 // СПС КосультантПлюс.
9. Гурвич М. А. Право на иск // Избр. тр. Т.1. Краснодар, 2006. – 216 с.
10. Протасов В.Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства. М., Новый Юрист, 1999. – 240 с.
11. Корпоративное право. Актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова. 2-е изд., стереотип. М.: Юрайт, 2015. – 678.

© Филиппсон К. Ю.